

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Куприн

Племя Усть

«Public Domain»

1930

Куприн А. И.

Племя Усть / А. И. Куприн — «Public Domain», 1930

«Все, о чем я сейчас расскажу, происходило вскоре после русско-японской войны и Портсмутского договора, но еще далеко до первой думы. Тогда, как преддверие к Государственной думе, широко распахнулся общественный интерес к земству и к земским деятелям...»

© Куприн А. И., 1930

© Public Domain, 1930

Александр Иванович Куприн Племя Усть

Все, о чем я сейчас расскажу, происходило вскоре после русско-японской войны и Портсмутского договора, но еще далеко до первой думы. Тогда, как преддверие к Государственной думе, широко распахнулся общественный интерес к земству и к земским деятелям. Заседания Тетюшкского или Крыжонопольского земства казались зародышами будущего парламентаризма. Председатель губернского земства походил в профиль, как говорили образованные провинциальные барышни, совсем-совсем на Мирабо, только не такой некрасивый. Тогда-то и мне пришлось достаточно много пошляться и поездить по северным городам Усти и Веси.

Весною и ранним летом сообщение между этими утлыми городишками поддерживали маленькие частные пароходишки. Путь был бы вовсе прелестный, если бы не комары – этот истинный бич божий, который злобно пожирал пассажиров круглые сутки. Зато какие стерлядки кольчиком, какая севрюжинка, какая свежая икра! Это тебе не Волга, где вся вода и все, что в ней, насквозь пропахло нефтью.

По обоим берегам Мологи в душистой темноте ночи пели бесчисленные соловьи, изнемогавшие от любви и музыкального восторга. Когда же случалось, что замечтавшийся пароход разрывал длинную цепь плотов, гонимых по течению, то надо было любителю русской словесности послушать ту изысканную ругань, которой осwirепевшие плотовщики обливали и осыпали пароход, его команду, его хозяев, а кстати, и пассажиров с их предками, потомками и всеми ближайшими родственниками.

Зимний путь на Весь и Усть был куда тяжелее. Приходилось ехать по железной дороге до какого-то никому не ведомого полустанка, носившего североиндейское наименование «Сиуч», а оттуда уже нанимать гусевую упряжку (три лошади, одна за другою) и ехать сто пятьдесят – двести верст по узким лесным тропинкам, по ржавым полу замёрзшим болотам, порою поверх прясел, заборов и даже изб, совсем заваленных сугробами снега. Через каждые двадцать – тридцать верст (смотря на трудности пути) остановка или, как там говорят, «стойка». Достаточно времени, чтобы размять в избе затекшие ноги, напиться чаю или съесть яичницу, пока кормят или перекаладывают лошадей. Ямщику непременно – водки. Теперь вот, глядя сквозь густую завесу времени, страшно становится, когда вспомнишь этого отчаянного продольного гусевого ямщика. Мороз в двадцать пять градусов. Ты мерзнешь и коченеешь во всех своих шубах, теплых чулках, фуфайках, набрюшниках, башлыках и толстых перчатках, а он сидит, как воробей, краем зада на какой-то дощечке. Правая нога у него свисает вниз, чтобы отталкиваться ею от дороги, когда сани заваливаются и вот-вот готовы перевернуться, укрыв собою путника. В руках у ямщика шесть вожжей и два кнута: один короткий – для ближних лошадей, другой очень длинный – для передней; разобраться в этой сложной сбруе – нужны навык и ловкость почти цирковые; о рукавицах здесь и думать нечего, одна помеха: так и орудует ямщик во всю дорогу голыми руками. Как войдет он в избу – ужас смотреть: весь от мороза и ветра белый, заиндевел, нос как синька, руки залубенели, свести пальцев нельзя. Ничего не скажет, только головой покрутит: «Хватил-де горяченького до слез!» А когда тыпнет он водки из полного чайного стакана в два приема, то даже слезы у него из глаз потекут. Крякнув густо, закусит хлебом с луковицей и еще пошутит:

– Как это ее бедные солдаты пьют?.. Пока мы закусываем, хозяйка спрашивает:

– А может быть, что-нибудь из старых вещей посмотрите? Здесь многие проезжие покупают.

Я уже давно знал об этом новом промысле и даже сам порою покупал кое-что, дабы угодить хозяйкам. Продавались старинные наряды и предметы домашнего обихода. Продавались, например, – и очень дешево – древние неизносимые сарафаны из густо-малинового

штофа, толщиной в палец; перушки, такие легонькие безрукавочки (фигаро) из атласа, цветисто вытканного разными шелками; головные уборы (кокошники или кички), сплошь вышитые низанным речным жемчугом; редкой красоты полотенца; вырезанные чудесно, из карельской березы и из липы, игрушки, солонки, миски, плошки и сундуки. Я иногда спрашивал от зазрения совести:

– Тетенька, а тебе не жаль самой такие вещи продавать?

– Да зачем же мне, кормилец, их хранить? Они давношние и без всякого употребления.

Ну разве теперь девку уговоришь надеть сарафан или кокошник? Да ни за что! Стыждается! Таких, говорит, более никто не носит.

Поразила меня однажды (и я купил ее, чтобы подарить знакомому художнику) огромная ендова с рукояткой, медная, кованая, тяжелая. На ней искусно вычеканен был барельеф сурового мужчины в островерхой шапке, опушенной как бы мехом.

Я долго ломал голову: что за странный народ усть? Откуда эти жемчуги, тяжелые шелка, удивительные узоры и чеканные ендовы? Почему в их песнях и сказках «рушат» на пирах гусей и белых лебедей и пьют заморские вина? Почему старые хороводные их песни поют:

Как во городе королева,
По-за городу королевич,
Молодой сын королечек гуляе,
Он невесту себе выбирае.
Не моя ли расхорошая гуляе?
Золотой перстень воссияе,
Распахнулись королевские ворота,
Король королевне поклонился,
Королева ему еще пониже.

И т. д.

Откуда эта учтивость, вежливость и самые титулы «королевич», «королева»?

И потом, почему в Усти все высокого роста, с лицами строгими и как бы гречески-иконописными? Почему их девки и молодые бабы, еще не изуродованные частыми родами, сплошь отличаются красотой и правильностью лиц, которыми они очень похожи на шведок или норвежек? Почему Усть так осторожно сберегла свой род от смешения с весью или с карелами, кровь которых несомненно финского разлива?

Или в самом деле Усть – это забытый, неисследованный остаток когда-то мощного и славного племени, которому не успели уделить времени наши профессора, так удачно определившие значение римских тессер и древних палимпсестов?